

Л.А.Арутюнян,
действительный член Армянской академии философских наук

Куда идет Россия: взгляд из ближнего зарубежья

Куда идет Россия? Ответ на этот вопрос предполагает анализ российской действительности и истории наших дней с возможно более разных углов зрения. На нашем симпозиуме российская действительность высвечивалась преимущественно двумя лучами: взглядом изнутри и из дальнего зарубежья. Хотелось бы расширить аналитическое поле взглядом из ближнего зарубежья. Поскольку я представляю Армянский Интерцентр, т.е. ближнее зарубежье, позвольте мне это сделать.

Известно, что после распада Советского Союза карта мира обогатилась рядом новых государств. Это — Россия, правопреемница СССР, страны Балтии, с наибольшей из возможных степеней независимости от России, и другие страны с более ощутимой зависимостью от нее. За последние два года все эти страны, каждая в отдельности и все вместе, прошли определенный путь. Несмотря на все разнообразие конкретного, все эти пути могут быть обобщены в трех парадигмах: путь развития стран Балтии, путь России и путь других независимых государств ближнего зарубежья. Как соотносятся эти парадигмы? Исчерпывающий ответ на этот вопрос — дело будущего. Однако уже сейчас обнаруживается отличие траектории республик Балтии и синхронность траекторий других разбегающихся частей бывшего СССР. Чтобы убедиться в существовании такой синхронности, достаточно взглянуть на этапы пройденного ими пути. За недостаточностью времени, я только обозначу эти этапы.

Сначала был уход бывших республик, попытка освоить собственное географическое, политическое и психологическое пространство, изменить идеологические и внешнеполитические ориентации, разорвать традиционные экономические и социальные узы. Следствия этого ухода для республик не заставили себя долго ждать: кризис энергии, галопирующая инфляция, коллапс многих отраслей про-

мышленности, резкое падение уровня жизни и мизерность продовольственного пайка, безработица, острые социально-политические и этнические конфликты...

Далее следовала попытка расширить лимиты своей свободы. Бывшие республики делали это по-разному. Обращались к странам Запада, пытались войти в какие-то блоки, получить статус стран "третьего мира", воспользоваться возможностями, открываемыми международными организациями, и т.д. Резюмируя этот момент в жизни новых государств, можно сказать, что лишь немногим из них удалось серьезно расширить лимиты своей свободы. Более или менее результативными оказались, в основном, те государства, которые, обладая значительными энергетическими ресурсами и технологическим потенциалом, в то же время не были отягощены глубокими социально-политическими и национальными конфликтами.

Судя по реалиям, для подавляющего большинства республик плата за право быть свободными оказалась непомерно высокой, а желание укрыться под зонтом мирового сообщества от невзгод перехода в разряд суверенных стран — малореализуемым.

Сейчас наблюдается как бы возврат бывших республик к России. Одни делают это молча, достойно, как Беларусь, другие — громко, шумно, с покаянием, с претензиями, как Грузия, третьи — обставляя свой возврат множеством условий, как это делает Украина, четвертые — так, как будто они и не уходили, как это делает Армения, защищая собственную границу и в то же время южные рубежи и интересы России в этом регионе.

Можно сказать, что в социально-психологическом плане результаты этого отрезка пути оказались весьма положительными для России: в республиках усилились интегративные устремления и наметилась тенденция восстановления позитивных установок и доверия к ней. В подтверждение этой гипотезы я хотела бы представить вашему вниманию ответы на три вопроса, которые выявляют уровень доверия к США и к России, из анкеты репрезентативного социологического исследования (выборочная совокупность 1000 респондентов в 90 точках Армении):

1) Насколько вы верите, что Россия и США способны ответственно подходить к решению мировых проблем?

Ответы:

очень верю — 16,5% (для США), 21 % (для России);
отчасти верю — 36,0% (для США), 39% (для России);
не очень верю — 33,0% (для США), 29% (для России);
не верю совсем — 9,6% (для США), 5,8% (для России).

2) Как Вы считаете, к какой из сторон в Нагорно-Карабахском конфликте более благожелательны США и Россия?

Ответы:

благожелательны к Армении — 19,3% (для США), 33,2% (для России);

благожелательны к Азербайджану—12,5% (для США), 6,9% (для России);

одинаково беспристрастны к обоим — 29% (для США), 23% (для России);

защищают лишь собственный интерес — 27% (для США), 28% (для России).

3) Сделали ли США и Россия достаточно или недостаточно для того, чтобы помочь разрешить карабахский конфликт?

Ответы:

достаточно — 24,8 % (для США), 41,1 % (для России);

недостаточно — 33,8% (для США), 33,4% (для России);

вообще ничего — 20,0% (для США), 12,0% (для России).

Приведенные ответы свидетельствуют о более высоком уровне доверия армянского общественного мнения к России, чем к США.

Итак, "уход от России" не состоялся. Резюмируя итоги первых шагов по пути реализации, а может быть, и демонстрации новыми независимыми государствами своего суверенитета, можно сказать, что они завершились осознанием жесткой лимитированности собственных возможностей, а также пределов экономической и политической свободы и, как следствие, готовностью войти в новый союз с Россией.

Какова же была траектория движения России? Наблюдая за этой траекторией из ближнего зарубежья, можно прийти к заключению, что Россия также прошла определенную часть пути, и хотя этот отрезок пути еще не завершен, все же можно наметить его некоторые итоги. Кажется, что Россия преодолела соблазн вернуться к модели унитарного государства, как государства русского этноса. О том, каковы будут контуры нового федерального устройства России, можно судить по тому факту, что слово "суверенитет" исчезло из ее новой Конституции, т.е. Россия пытается строить новую модель своего федерализма не на этнической базе.

Наблюдая российскую внешнюю политику из ближнего зарубежья, можно сделать также вывод, что в России пока не отдано предпочтения какой-либо одной из имеющихся трех альтернатив. Отмечу, что традиционная для России нерешенность проблемы доминирующей ориентации ограничивала и раздваивала пути развития российской государственности на всем протяжении истории. Сегодня нерешенность проблемы внешнеполитических ориентаций на деле оборачивается множественностью субъектов власти. Здесь уже не раздвоение, а растроение, если так можно выразиться, т.е. действуют три субъекта власти: внешнеполитическое ведомство, генералитет России и новая финансово-экономическая элита, которая ратует за сохранение единого экономического и правового пространства, не разделенного административными барьерами. У каждого из них своя концепция будущего России, свои внешнеполитические приоритеты, свои сферы и средства политического давления. Это троєвластие (в лучшем случае — двоевластие) будет сохраняться до тех

пор, пока не будет выбрана доминирующая ориентация. Как мне кажется, многократно повторявшуюся на симпозиуме мысль о том, что Россия есть некая евразийская страна, в принципе можно рассматривать в русле поисков ответа на вопрос о доминирующей ориентации России.

В России пока не выработалось единого мнения и о том, включает ли роль правопреемницы СССР какую-либо стратегию и какие-либо обязательства по отношению к республикам бывшего СССР, и как будут строиться взаимоотношения России с этими республиками.

Если внимательно изучить историю наших дней, то, несомненно, можно обнаружить, что первой из Союза ушла Россия. (Это предмет отдельного разговора, выходящего за рамки данного выступления.) Экономические, политические и социальные последствия этого ухода для России оказались не столь драматичными, как для республик, хотя они были весьма ощутимы. А прожитое врозь время оказалось недостаточным для того, чтобы дать однозначный ответ на вопрос, нужно ли России стремиться к политической интеграции, к восстановлению или построению союза с ныне де-юре независимыми странами, некогда составлявшими единое целое, и каков может быть модус их совместного существования. С одной стороны, желание сбросить жернова с собственной шеи и освободиться от функции опеки над странами, весьма отягощенными отсутствием ресурсов, бедностью и конфликтами. С другой — понимание прочности связывающих с ними уз, в самом широком смысле этого слова, того, что многолетнее пребывание в роли метрополии оставило шрамы в экономике и менталитете самой России, что отторжение "порога первой защиты" не может пройти бесследно для ее благополучия. Эти и многие другие сомнения затрудняют выработку стратегии в вопросе о необходимости союза. Однако лавина событий последних лет не оставляет времени для раздумий. Поэтому России придется, еще не выработав стратегию, с одной стороны, формировать живой организм союза, который будет соответствовать желаниям России и амбициям новых независимых стран, и с другой, — прилагать усилия для синхронизации развития, в частности придерживать процессы, происходящие в странах ближнего зарубежья. Конфликты, которые сегодня имеют место практически на всем протяжении границы России, также способствуют синхронизации траектории развития республик и России, что отнюдь не отрицает внутренней обусловленности этих конфликтов.

В Армении высказывается точка зрения, что мы явились свидетелями третьей мировой войны, которая имела целью ослабление и уничтожение СССР. Она имела несвойственную войнам мирную форму, и ее цель была достигнута — СССР остался в прошлом. В этой связи хотелось бы обратить внимание на странную особенность нашего симпозиума: в этом зале ни разу не была проанализирована деятельность США, не произносилось даже имя этой страны, этого важного фактора мировой политики, этой доминанты, диктующей сегод-

ня очень многое в мире и в самой России. Даже феномен Жириновского объяснялся только изнутри, хотя очевидно, что он обусловлен не только тем, что избиратели России индифферентны к фашизму. Достаточно вспомнить, что Жириновского выбирали районы высоко развитого ВПК и поддерживают те политические силы, которые заинтересованы в том, чтобы к власти пришло правительство, проводящее определенную внешнюю политику. Думаю, что мы уделили слишком мало места анализу причин нарастающего изоляционизма России.

Несколько слов о тяге России к скачкам. На мой взгляд, уже заметны некоторые симптомы преодоления болезненной тяги к скачкам, и есть много аргументов в пользу того, что дальше Россию ожидает более спокойное развитие, по крайней мере отсутствие таких зигзагов, которыми богата ее истерия. Но, по-видимому, ей не удастся на данном этапе преодолеть волонтаризм власти, вследствие устойчивого пристрастия к реакционным социальным технологиям и отсутствия в стране контроля над властью.

Традиции *насилия* и социальной конфронтации были составной частью политической культуры России на протяжении довольно долгого периода. Они лежат и в основе современных социальных технологий. Следует признать, что Россия 90-х, не решив проблемы экономические, не сформировав деятельного субъекта реформ, не создав гражданского общества, не сумев освоить традицию достижения национального согласия, вновь вынужденно обращается к технологии *насилия*, т.е. к той социальной технологии, которая эксплуатировалась ею на протяжении веков. По всем признакам, в России технология насилия интернализирована на уровне общественного сознания и на уровне социального управленческого действия. Как вы думаете, каков был ответ на успех партии Жириновского? Интеллигентная сформировала антифашистский блок. Это означает, что конфронтационное сознание подталкивает процесс формирования противопоставленных полюсов и созревания ситуации, в которой эти полюсы придут в столкновение. В настоящее время в России, по сути, нет серьезного противодействия использованию силы в качестве средства разрешения политических и этнических противоречий, нет активного миротворческого действия, которое могло бы погасить действующие этнические конфликты. Более того, война рассматривается и используется как максимально эффективное многофункциональное политическое средство.

И последнее. Поиски ответа на вопрос "Куда идет Россия?" предполагают многоаспектные междисциплинарные исследования. Такие исследования могли бы быть осуществлены в Центре временным творческим коллективом, включающим исследователей из стран СНГ, ибо понять то, что происходит в России, без знания того, что происходит в других странах СНГ, в принципе вряд ли возможно, поскольку это было единым пространством, и сегодня оно развивается по единым канонам.